

Глава 28. «Разве я имею право... быть против?»

Дождь наконец хлынул — неистовый, в союзе с яростным ветром. Капли с грохотом обрушивались на черепичные крыши и ветви деревьев, сливаясь в сплошные потоки, которые водопадами низвергались на мощёные дорожки. Стихия застала людей врасплох, не оставляя ни шанса укрыться.

В Поместье Шестого принца атмосфера была под стать погоде: мрачная и тяжёлая. Слуги замерли, боясь проронить хоть слово; даже ходили они на цыпочках, стараясь не издавать ни звука. Тишина прервалась лишь тогда, когда Фан Жуй ввалился в дом, неся на спине Императорского лекаря Цзян. Присутствующие заметно оживились.

Одни бросились вытирать старика полотенцами, другие потащили сухую одежду для переодевания, третьи засуетились с горячим чаем. В этой суматохе про Молодого маркиза Фан, стоявшего рядом, все словно позабыли.

Сам юноша, впрочем, не обращал на это внимания. Смахнув с лица воду, стекавшую с него ручьями, Фан Жуй прикрикнул на слуг:

— Да шевелитесь же вы! Там человек болен!

— Не спеши, юноша, не спеши... — Лекарь Цзян тяжело сглотнул и сделал глубокий вдох. — Дай Императорскому лекарю Цзян хоть дух перевести.

Впрочем, передохнуть ему дали всего мгновение, после чего сразу препроводили в покои.

В комнате за пологом нежно-зелёного цвета Шестой принц Чжу Янь сидел у края кровати, и лицо его было темнее грозовой тучи. Лекарь облегчённо отметил, что сам принц выглядел здоровым, хоть и был не в духе.

Старик поклонился и официально произнёс:

— Прошу Ваше Высочество протянуть руку.

— Не меня лечи, — Чжу Янь резко отдернул занавеску. — Его.

Только тогда Императорский лекарь Цзян заметил на кровати юношу. Это был поразительно красивый молодой человек с тонкими чертами лица и благородной осанкой, но цвет его кожи пугал мертвенной бледностью. Стоило лекарю прижать пальцы к запястью больного, как он удивлённо вскрикнул.

— Что такое? — Голос принца прозвучал угрожающе.

— Невероятно... — пробормотал старик.

— Говори толком.

— Он ещё совсем юн, но его сердечный пульс истощён до предела. Боюсь, век его будет недолог... — Лекарь Цзян сосредоточенно продолжал слушать пульс. — Как же это произошло?

Взгляд Чжу Яня стал ледяным.

— Ты уверен в своих словах?

Старик вздрогнул, ощутив волну жажды крови, исходящую от собеседника.

Фан Жуй, так и не сменивший промокшую одежду, ворвался в разговор. Вода с его платья стекала на пол, образуя лужи:

— Быть не может! Мой брат всегда был бодр и полон сил! Он никогда не жаловался на слабость и не пил лекарств. Он даже умеет злить людей так, что любому здоровому фору даст! Как он может быть болен?

Императорский лекарь Цзян погладил бороду, не отрывая руки от запястья юноши.

— Если я не ошибаюсь, не более пяти лет назад этот ребёнок перенёс тяжелейшее ранение, едва не стоившее ему жизни. Удар пришёлся прямо в область сердца. Обычно после такого люди не встают с постели по полгода, и шансов на спасение почти нет. Нужно было обладать невероятной волей и стойкостью, чтобы выкарабкаться и дожить до сегодняшнего дня... На его груди, слева, обязательно должен остаться шрам.

Фан Жуй потянулся к больному:

— Дай я посмотрю...

Чжу Янь резким движением отбил его мокрую руку. Брезгливо вытерев пальцы платком, он опустил полог, скрывая Вэнь Жуаня от чужих глаз, и лишь после этого осторожно расстегнул ворот его одежды.

Кожа юноши была белой, почти прозрачной, что придавало ему хрупкий, болезненный вид. Тонкие ключицы образовывали изящные ямки, но чуть ниже красота обрывалась. На левой стороне груди темнел уродливый шрам. Ткань затянулась неровно, оставив бледно-розовый след — немое свидетельство перенесённой когда-то боли.

Рана так и не зажила до конца. Очевидно, тот, кто нанёс удар, метил наповал. Юноша был на волосок от смерти.

Чжу Янь вспомнил убийцу в горах — того последнего человека в маске, который вступил в схватку внезапно и сражался с отчаянной решимостью. Его мастерство и воля отличались от остальных. Тогда принцу пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с ним. Теперь стало ясно: тот человек шёл именно за Вэнь Жуанем.

Но какой враг мог быть у ребёнка, который тринадцать лет скитался на чужбине и перенёс столько лишений?

Вэнь Жуань лежал неподвижно. Его лицо было пепельно-серым, губы отливали синевой, а дыхание едва теплилось. В нём не осталось и следа от того живого, улыбочивого юноши, который умел льстить, шутить и дерзко спорить.

— Как это лечить? — Чжу Янь запахнул одежду больного и повернулся к Императорскому лекарю Цзян.

— Это не лечится, — покачал головой старик.

Взгляд принца стал опасным:

— Хм?

— Такую болезнь можно лишь усмирить долгим уходом.

Лекарь достал набор для иглоукалывания и принялся отбирать нужные иглы.

— Пульс говорит о том, что он слишком много сил тратит на душевные переживания. В таком возрасте ему бы радоваться жизни и греться в лучах любви, а он изводит себя. О чём он так мучительно беспокоится? О чём печётся день и ночь?

Фан Жуй, скрестив руки на груди, горько усмехнулся:

— О чём ещё он может сокрушаться? С малых лет его похитили, он и дня спокойного не видел. Голодал, не зная, пообедаст ли завтра. Вернулся домой — а там его травят, никто не рад его видеть, никто не любит искренне. Родственнички — змеи подколодные. С трудом вырастил рассаду, мечтал о хорошем урожае, чтобы и себе помочь, и людям пользу принести. А эти нелюди взяли и вырвали все его ростки! Совсем крошечные, неокрепшие... Из-за такой низости ребёнок и слёг!

Юноша только недавно узнал о случившемся и до сих пор кипел от ярости. Он гневно

посмотрел на Чжу Яня:

— Ты с ним за одним столом не сидел, не знаешь... Он ведь не только Цветочное мыло умеет делать, он в земле понимает! Это его Яшмовое сорго — никто о нём слухом не слыхивал, никому дела до него не было, а он взял и вырастил. Да так удачно, что урожай в два раза выше, чем у самых опытных дедов в столице! Из него и каша, и лепёшки — ароматные, сладкие, мягкие... Вэнь Жуань эти поля как зеницу ока берёт, говорил, в этом году урожай будет небывалый. И всё погубили!

Шестой принц, казалось, не слышал его стенаний. Он не отрывал взгляда от лекаря, вводящего иглы.

— Как именно за ним ухаживать?

Фан Жуй осекся. Поняв, что жалобы не действуют, он решил: раз на Чжу Яня полагаться нельзя, он сам разберётся с Поместьем князя Вэнь. Посмотрим, как они запоют!

— Пить отвары придётся постоянно, — объяснял Императорский лекарь Цзян. — Я выпишу рецепт. Но в лечении лекарства — лишь треть успеха, остальное зависит от него самого. Ему нельзя гневаться, нельзя принимать всё близко к сердцу, нельзя переутомляться. Нужно спокойствие и покой. Года два-три поживём — увидим. Если организм крепкий, поправится наполовину, если нет — будем менять лечение...

— Что значит «наполовину»? — Фан Жуй в замешательстве почесал затылок. — Либо выздоровеет, либо нет.

— Сейчас его состояние не самое худшее, в обычные дни он кажется здоровым. Но сердце — орган капризный. Если не обращать внимания, он всю жизнь будет бороться с последствиями той раны. Каждый приступ — это риск. Если же взяться за ум и лечиться лет десять, корень болезни можно извести.

— Значит, шанс есть, — маркиз приободрился. С его деньгами любые редкие лекарства брату будут доступны.

— Юноша этот удачлив, состояние пока стабильное, — старик замаялся, бросив взгляд на принца. — Только вот...

— Что ещё? — спросил Чжу Янь.

— При такой болезни важнее всего сон. Я вижу, как подёргиваются его веки, как напряжены брови... Он спит тревожно. Быть может, он чувствует себя здесь не в своей тарелке? Ему непривычны запахи этого дома, звуки или сама обстановка?

— Конечно, непривычны! — встрял Фан Жуй. — Он здесь первый раз, откуда взяться привычке?

— Есть люди крайне чувствительные, — продолжал Императорский лекарь Цзян. — Особенно те, кто пережил смертельную опасность. Если окружение не даёт им чувства безопасности, они не могут уснуть глубоко. Даже в обмороке их разум остаётся начеку.

— Место, где он чувствует себя в безопасности? — Фан Жуй нахмурился. — Значит, здесь ему оставаться нельзя. Но и в Поместье князя Вэнь возвращать его нельзя — там одни гадюки...

— Готовьте карету, — приказал Чжу Янь.

— Но на улице ливень... — Фан Жуй осекся. Путь был неблизкий, ворота вот-вот закроют.

— Моя лютня пребудет в сохранности, посторонним лучше молчать, — отрезал Шестой принц.

Чжу Янь уже отдавал распоряжения Лань Тяню. Тот, прослужив у господина много лет, понимал его с полуслова. Карета должна быть самой большой и надёжной, чтобы ход был мягким, а вода не просочилась внутрь. Постелить побольше мягких перин, укутать юношу в тепло. Вслед должна ехать ещё одна карета, чтобы готовить лекарства прямо в пути.

Когда приготовления снаружи закончились, лекарь завершил процедуру. Чжу Янь велел проводить старика, а сам, плотно укутав Вэнь Жуаня, подхватил его на руки и шагнул под дождь. Над ним держали зонт, но принц двигался слишком быстро. До экипажа он долетел в мгновение ока. Ни одна капля не упала на больного.

Как только Вэнь Жуаня устроили внутри, карета тронулась. Лань Тянь правил сам — быстро и уверенно.

— Эй! Стойте! А про меня забыли?! — закричал Фан Жуй вслед уходящему экипажу. Вытерев лицо, он рывкнул слугам: — Плащ! Где мой соломенный плащ?!

Никто не ответил. Слуги были заняты: кто собирал вещи, кто готовил сопровождение, кто искал лекарства. К тому же Фан Жуй и так был промокшим до нитки, и новый плащ ему бы не помог.

— Ну и ну, Ваше Высочество... Неужто тебе жалко какого-то плаща? — проворчал маркиз и, вскочив на коня, припустил за каретой.

— Ты зачем увязался? — Голос Шестого принца донёсся из-за закрытого окна, глухо перемешиваясь с шумом ливня.

— Как это зачем? — возмутился Фан Жуй. — Это мой брат, мой лучший друг!

— Тебе не кажется, что тебе стоит заглянуть в Помесье князя Вэнь?

— А?

— Твой «лучший друг» пострадал...

— О! Точно! Я же должен отомстить за него! — осенило Фан Жуя.

Окно кареты приоткрылось на миг, и в руки маркиза вылетела верительная бирка с изображением яростного дракона — личный знак Шестого принца.

— Передай им: моя лютня не потерпит и малейшей тряски.

Фан Жуй просиял. Значит, принц всё слышал! Теперь-то он устроит этим родственничкам сладкую жизнь.

Когда сознание вернулось к Вэнь Жуаню, он почувствовал тупую, ноющую боль в груди. Дышать стало чуть легче, и силы понемногу возвращались.

«Дождь кончился?» — мелькнула мысль.

Нет. За окном всё ещё шумела стихия. В воздухе пахло влагой. Он открыл глаза и увидел полумрак комнаты. Окно было приоткрыто лишь на узкую щёлку, сквозь которую виднелись серебряные нити дождя, сплошной стеной падающие на землю.

Он слышал, как весело шелестит листва под ударами капель; слышал, как потоки воды сбегают с крыш и звонко ударяются о камни. Вода текла повсюду, сплетаясь в причудливые ручьи, омывая цветы и травы. Вэнь Жуань легко мог представить эту картину — прекрасную и умиротворяющую.

Раньше он любил лето и дождь. В такие дни было так приятно читать романы или пить чай в компании друзей. Но в последние годы он начал бояться гроз. Чем сильнее был ливень, тем сильнее болело сердце.

Вэнь Жуань медленно сел. Он узнал свою комнату в загородном поместье. В воздухе витал запах лекарств и едва уловимый чужой аромат... Кто здесь был?

— Это Шестой принц, — Нань Син вошёл в комнату с чашей отвара и опустился на колени перед кроватью. — Вы проспали сутки. Я задержался из-за шторма, не успел встретить вас...

Его Высочество сам вызвал лекаря и привёз вас в поместье. Накажите меня, господин.

«Шестой принц?» Вэнь Жуань вспомнил его лицо перед тем, как потерять сознание. Неужели такой холодный человек способен на заботу?

— Встань, — мягко сказал юноша. — Ты поблагодарил его?

— Да, но Его Высочество не принял даров. Он сказал, что вы должны навестить его лично, когда поправитесь. — Нань Син протянул чашу. — Выпейте лекарство.

Вэнь Жуань поморщился, глядя на чёрную жижу.

— Это рецепт Императорского лекаря, — добавил слуга. — Старика приволокли в Поместье Шестого принца под проливным дождём...

— Ладно, ладно, выпью.

Он взял чашу. Руки были слабыми, на тыльной стороне ладоней проступили вены. Юноша попытался выпить всё залпом, но горечь была невыносимой. На половине чаши он зажмурился, переводя дух. За окном прогремел гром. Вэнь Жуань прижал руку к шраму на груди и слабо улыбнулся:

— Яшмовое сорго... В этом году оно должно уродиться на славу.

Нань Син вздохнул. Нормальный человек в первую очередь думал бы о себе, а его господин — о зерне.

— Господин, вы сами учили меня: благородный муж не стоит под падающей стеной. Первое, о чём нужно заботиться — это собственная жизнь. Пока человек жив, есть надежда. Вы ведь видели, что погода портится, почему не вернулись раньше?

— Прости, — искренне ответил Вэнь Жуань. — Заставил тебя волноваться.

— Вы всегда так говорите, — проворчал Нань Син. Ошибку признает, но в следующий раз поступит так же.

Юноша допил отвар и сменил тему:

— Где Ли Юэ'э?

— Спасена. Она здесь. Сама помогала варить это зелье.

«Надо же, — подумал Вэнь Жуань, — хрупкая девушка выпила одно лекарство, выпалась и уже на ногах. А я всё никак не оправлюсь...»

— Спроси, не пожелает ли она навестить меня?

— Господин, вы только очнулись... — начал было слуга.

— Именно поэтому я сейчас не усну. Самое время поговорить.

Вскоре в дверь постучали. Вошла Ли Юэ'э. Увидев Вэнь Жуаня, она опустилась на колени и отвесила ему земной поклон. В её глазах стояли слёзы. Для неё этот юноша был истинным спасителем. Он не обманывал её, не требовал красоты или покорности взамен. Он просто хотел помочь, не прося ничего. А она принесла ему лишь хлопоты и болезнь. Девушка хотела бы отблагодарить его, но у неё ничего не было, и от этого на душе было горько.

— Не нужно поклонов, — улыбнулся Вэнь Жуань. — Наверное, тебе страшно? Не знаешь, что делать дальше?

Ли Юэ'э кивнула, нервно перебирая пальцами подол платья.

— Нань Син сказал, что ты искусно готовишь. Тебе нравится кулинария?

— Да... — Девушка немного расслабилась. — Моя матушка была великой кухаркой. В детстве я любила смотреть, как она работает. Несмотря на суету, от неё исходило удивительное спокойствие. В такие моменты мне казалось, что жизнь прекрасна. Теперь, когда мне плохо, я всегда иду на кухню.

— И только замужество может дать тебе это спокойствие? — тихо спросил Вэнь Жуань.

Ли Юэ'э замерла, а затем медленно покачала головой:

— Нет.

Юноша видел, что за её плечами стоит горький опыт.

— Сильные мира сего пытались взять меня силой, — едва слышно заговорила она. — Обещали богатство, если я забуду о гордости. Я отказалась и бежала. Другой мужчина спас меня, но и он хотел лишь обладать мной, предлагая брак. Я должна была быть благодарна, но в сердце — лишь холод...

— Ты не любишь его.

— А разве я имею право... быть против? — Она подняла глаза на собеседника. — Могу ли я хотеть иного? Может, я просто неблагодарная? Женщине в моем положении стоит радоваться, что её хоть кто-то берёт...

— Но ведь для жизни и нужна любовь.

Ли Юэ'э замерла. Она уже пожалела о своей откровенности, боясь, что господину это не понравится, но его ответ поразил её.

— Все мы люди. Почему другие могут требовать, а ты не можешь отказать?

Слёзы снова покатались по её щекам. Именно из-за этого упрямства она прошла через весь этот ад.

— Не думала ли ты, что возможна иная жизнь? — мягко продолжил Вэнь Жуань. — Твой талант повара мне бы пригодился. Если не побрезгуешь, мы можем заключить договор. Ты будешь работать у меня и заодно учиться.

— Учиться?

— Я вижу в твоих глазах ясный ум. У меня есть несколько уникальных рецептов... Если захочешь, я научу тебя всему, что знаю. Но у меня есть одно условие. — Он серьёзно посмотрел на неё. — В течение трёх лет ты не должна выходить замуж.

Через три года ей исполнится девятнадцать — по нынешним меркам, она станет «старой девой».

— Но если ты добьёшься великих успехов или встретишь действительно достойного человека, мы сможем пересмотреть это условие.

Ли Юэ'э было всё равно, выйдет она замуж или нет. Мужчины ей были не нужны. Она лишь тихо спросила:

— И не нужно... подписывать кабальную запись?

— Конечно, нет. Мне не нужны рабы, мне нужны соратники.

Девушка решительно кивнула:

— Я согласна! Я не подведу Вас!

О будущем она не думала. Ей просто хотелось удержать этот луч света, который впервые за долгое время подарил ей надежду. Вэнь Жуань почувствовал, что силы его покидают.

— Не спеши. Подумай ещё раз, поговори с Нань Сином. Как окрепну, обсудим наши планы подробнее...

— Отдыхайте, господин.

Когда она вышла, Нань Син долго рассказывал ей о господине. О его страсти к земледелию, о его странных идеях и о том, что он больше заботится о других, чем о себе. С ним легко было дружить, но его добротой часто пользовались всякие проходимцы.

Ли Юэ'э подписала договор той же ночью. Лёжа в тёплой постели и зная, что ей больше нечего бояться, она плакала от счастья. Но в глубине души она понимала, что поступает эгоистично. Она принесёт господину проблемы, ведь Поместье князя Вэнь и так враждебно к нему... Нань Син прав: господин слишком добр. Она решила: она не позволит никому навредить ему. Нужно лишь дождаться случая...

И случай представился на следующий день. Дождь стих, и по городу разнеслась весть: началось слушание дела Чэнь Юньяня!

Это дело затрагивало интересы слишком многих. Доказательств не хватало... Но ведь она и была доказательством! Ли Юэ'э, не сказав никому ни слова, отправилась в город, к зданию Министерства наказаний.

Там уже собралась огромная толпа. Присутствовали и Второй с Третьим принцами. Конечно, они не толкались среди простолудинов, а наблюдали из окон чайного дома напротив. Они ненавидели друг друга, но сегодня цель была одна — перетянуть Чэнь Юньяня на свою сторону.

Подсудимого ввели в зал в кандалах. Он хранил молчание. Судья зачитывал пункты обвинения: пропажа зерна и серебра, подозрительные связи, следы, ведущие к Храму Лунного Старца... Доказательств всё ещё было мало.

— Я — доказательство! — Ли Юэ'э вышла вперёд. — Я могу подтвердить связь храма с этим делом. Там творятся тёмные дела, женщин используют как товар для сделок с влиятельными людьми!

— Дерзость! — Судья ударил по столу. — Кто ты такая, чтобы кричать в зале суда?!

Ли Юэ'э опустилась на колени и совершила глубокий поклон:

— Ваша честь, я — жертва. Меня пытались продать именно так! Я знаю всё об их связях и

методах. Прошу Вас, восстановите справедливость для господина Чэня и защитите меня!

В Поместье князя Вэнь Госпожа Чжоу, узнав о поступке Ли Юэ'э, в ярости разбила поднос с чётками.

— Как она посмела... Как?! Семья Пань — сборище никчёмных идиотов, раз не смогли удержать одну девку!

Она не понимала, откуда в Кузине Э, всегда такой послушной, взялось такое бунтарство. Растирая затёкшие от наказания колени, она гадала, придётся ли ей снова вмешаться. Но её уже достаточно унизили, она была под домашним арестом... Куда уж хуже?

Шестой принц был беспощаден, а Фан Жуй — и того хуже. Она усвоила урок. Неужели кара за её грехи ещё не закончена?

<http://bllate.org/book/15345/1373449>